

Сун Цинсуй стянул с себя накиннутую на голову куртку. Тан Хуай уже и след простыл.

Он вспомнил, как в самом начале их знакомства Тан Хуай тоже вот так помогал ему — раз за разом, ничего не прося взамен. Чистейший бескорыстный альтруизм.

Именно поэтому Сун Цинсуй невольно начал обращать на него особое внимание.

Тогда стояла зима. В почти двадцатиградусный мороз Тан Хуай неизменно ходил в одном и том же: тонкая школьная куртка, под ней — многократно стиранный свитер. Снизу было ещё хуже: когда все остальные натягивали утеплённые штаны или шерстяные подштанники, у него были только кальсоны с тонким слоем флиса.

На перемене между уроками все классы выстраивались в колонны и бежали четыре круга по стандартному стадиону. После пробежки у всех горели щёки, пот блестел на висках и за ушами.

Один только Тан Хуай стоял с белыми губами. А когда возвращался в класс, ему доставалось лишь полстакана горячей воды — потому что к тому моменту, как подходила его очередь к кулеру, больше просто не оставалось.

Школьная травля — явление нередкое. Сун Цинсуй и сам через это прошёл. Он с детства почти не видел родителей; его растила бабушка.

Тогда кучка детей, которые были ненамного выше школьных парт, сбилась в кольцо и обступила его. На их детских лицах — неприкрытая первобытная злоба.

«У тебя нет ни мамы, ни папы! Ты — сирота!»

«Почему ты каждый день в одном и том же? У вас дома что, даже домработница вещи не стирает?»

«У тебя штаны рваные, а ты всё равно в них ходишь! Нищий и грязный! Ребята, не пускайте его к воде — если мы будем пить из одного кулера, мы все заразимся!»

К счастью, учительница вовремя заметила и специально выделила целый урок, чтобы поговорить с классом о травле. Ещё она связалась с его бабушкой и попросила следить за его психологическим состоянием.

А ещё важнее было то, что именно тогда Сун Цинсуй встретил близкого друга — того самого, который помог ему пережить тот период.

Благодаря усилиям многих людей тень школьной травли постепенно рассеялась и не успела

обернуться чем-то непоправимым.

Понаблюдав за Тан Хуаем несколько дней, Сун Цинсюй убедился: тот всегда один. Совсем один. И как человек, которого когда-то самого мочил дождь, он только укрепился в решимости стать для Тан Хуая зонтом. А потому — бесцеремонно вломился в его мир.

После последнего урока первой половины дня.

Сун Цинсюй нарочито медленно собирал канцелярию, дожидаясь, пока все вокруг разойдутся. Только тогда он встал.

Ради эффектного появления он даже одёрнул форму и поправил чёлку.

Повернул голову — и обнаружил, что последняя парта у окна пуста.

Стоп, что?! Где Тан Хуай? Куда делся целый Тан Хуай?!

Он прошёл ещё несколько шагов вперёд, заглянул даже под парту и, убедившись, что Тан Хуая в классе нет, ощутил укол разочарования.

Когда он вообще ушёл? Мог бы и предупредить. А он ведь собирался потащить его есть жареную свинину в хрустящей корочке. Ну и друг.

— Ты что-то ищешь?

Голос Тан Хуая, ещё не до конца сломавшийся, с лёгкой хрипотцой, прозвучал как ветер в бамбуковой роще.

Сун Цинсюй мгновенно узнал его, расплылся в улыбке и по-приятельски подскочил к нему, вцепившись в его руку:

— Тебя искал, пойдём есть! Ты куда пропал?

Тан Хуай положил стопку контрольных работ на свою парту и пристально посмотрел на Сун Цинсюя — так, будто хотел через эти глаза заглянуть ему прямо в душу.

— Тебе что-то от меня нужно?

Сун Цинсюй решил, что тот просто не привык к чужой близости. В таких случаях лучшая тактика — прилипнуть и не отпускать.

Он схватил Тан Хуая за запястье и потянул к выходу:

— Все уже ушли, давай тоже быстрее, а то свинина остынет! И вообще, в следующий раз, когда пойдёшь в учительскую за контрольными, зови меня — вдвоём же легче таскать.

Тан Хуай подчинился его рывку и послушно пошёл следом.

Сун Цинсуй, целиком поглощённый желанием подружиться, не замечал ни ошарашенных взглядов одноклассников, мимо которых они проходили, ни того, что Тан Хуай всё это время смотрел на его мягкие, чуть вьющиеся на затылке волосы.

На базе WS.

Сон окончательно покинул Сун Цинсюя. Он умылся, накинул куртку Тан Хуая и спустился вниз.

Тётушка с кухни как раз собиралась к сыну. Увидев его, она торопливо сняла куртку:

— Ой, Сяо Сун, ты сегодня так рано! Проголодался? Что приготовить?

Сун Цинсуй хотел было попросить лапшу, но, увидев, что она уже одета на выход, замахал руками:

— Занимайтесь своими делами, я сам справлюсь.

Тётушка всё-таки не удержалась и на всякий случай перечислила ему всё, что есть в холодильнике, прежде чем уйти.

Проводив её, Сун Цинсуй подумал и решил обойтись без готовки — всё равно получалось у него так себе. Вместо этого он нарезал фрукты, залил их йогуртом и сделал фруктовый салат.

С миской в руках он вышел на задний двор. Едва толкнул дверь — в лицо ударил свежий утренний воздух; лёгкий ветерок зашевелил волосы, но в куртке Тан Хуая было не холодно.

Сун Цинсуй только поставил миску на мраморный круглый стол, как за забором послышались приглушённые голоса.

База WS располагалась в коттеджном посёлке в пригороде Шанхая — застройка редкая, соседей почти не видно.

Кому понадобилось с утра пораньше разговаривать у чужого забора?

Любопытство взяло верх. Он на цыпочках двинулся в сторону голосов. По мере приближения невнятное бормотание становилось всё разборчивее.

— Да, сегодня днём. Предупреди людей, чтобы ничего лишнего не сболтнули.

Тан Хуай.

Сун Цинсуй уже повернулся, чтобы уйти, но тут за забором Тан Хуай, видимо, услышал что-то забавное и тихо рассмеялся.

— Хорошо болтать. Короче, задача — чтобы у этих людей кожа выглядела хотя бы прилично, — он помедлил и процитировал слова Сун Цинся: — Фотографу меньше работы, фанатам приятнее смотреть. Деньги я тебе только что перевёл. Какие процедуры делать — пусть твои всё подготовят.

Сун Цинсуй всё понял.

Никакой карты у Тан Хуая не было. Он просто выдумал это, чтобы заманить всех в салон, а за процедуры заплатил отдельно, из своего кармана.

Всё тот же бескорыстный альтруист.

Сун Цинсуй невольно усмехнулся, вернулся к мраморному столику, сел за фруктовый салат и для компании открыл записи матчей с чемпионата мира.

Смотрел он внимательно: то и дело ставил на паузу, вглядываясь в детали. В какой-то момент завтрак и видео окончательно поменялись местами: едва тронутая миска была отодвинута в сторону, а всё внимание поглотил разбор игр.

Именно такую картину увидел Тан Хуай, когда вошёл через заднюю дверь.

Сун Цинсуй сидел, поджав ноги, в кресле. Ветер трепал отросшую чёлку — видимо, давно не стригся, и волосы уже лезли в глаза.

Поначалу Сун Цинсуй терпеливо убирал пряди в сторону, но потом просто запустил пальцы в волосы и разом зачесал всё назад.

Тан Хуай сел напротив, бросил взгляд на почти нетронутый салат:

— Почему не доспал?

Сун Цинсуй не поднял головы:

— Не спится.

— А сидеть здесь не холодно?

Сун Цинсуй поставил видео на паузу и посмотрел на него с лёгкой досадой:

— Нормально, не особо. Вообще, если нет темы для разговора, можно и помолчать.

Тан Хуай замер. Собеседник из него и правда был никудышный. Но начиная со вчерашнего дня Сун Цинсуй давал ему ощущение, что на самом деле они очень близко друг от друга.

Это чувство было похоже на то, как путник в метели замечает вдалеке деревянный домик. И не может не подойти ближе. Проверить, настоящий ли он. И откроется ли ему дверь.

Тан Хуай изо всех сил скрывал собственную неловкость: плечи чуть приподняты, взгляд опущен.

По логике вещей, когда холодный, жёсткий человек вдруг показывает такое лицо, это должно выглядеть странно — как лев, который припал к земле. Ты-то знаешь, что это не нежность, а прелюдия к прыжку.

Но Сун Цинсуй совершенно отчётливо почувствовал: Тан Хуай ластится. Это было так непривычно и неожиданно, что он на мгновение опешил.

В его памяти Тан Хуай не умел быть уязвимым. Не умел уступать. Холодный, жёсткий, словно камень, вмёрзший в ледник. Прагматизм и собственная выгода — возведённые в абсолют.

С момента их встречи он чувствовал: Тан Хуай изменился.

По-прежнему немногословный — но теперь сам ищет повод заговорить. По-прежнему своенравный — но вдруг стал показывать слабость. Даже растерянность.

Почему?

Что произошло с Тан Хуаем за эти почти четыре года, что они были врозь?

А, и ещё — он стал значительно богаче. В ту ночь, когда они ездили в больницу, Сун Цинсюй только потом сообразил, что машина, на которую он ворчал «неудобная», была Гелендвагеном.

Осознав, что его любопытство и жажда узнать больше разгораются всё сильнее, Сун Цинсюй тут же одёрнул себя. Некоторые ошибки достаточно совершить один раз...

— Хочешь лапшу?

Тан Хуай заговорил внезапно, вырвав его из раздумий.

— Что?

— Пойдём, я сварю тебе лапшу. Простую, без мяса. Плюс яичница.

Сун Цинсюй захлопал глазами, не совсем понимая, что Тан Хуай опять затеял.

— А мой салат?

Тан Хуай взял миску и в несколько глотков доел оставшееся. Потом одной рукой подхватил посуду, а второй после секундного колебания взял Сун Цинсюя за запястье.

— Можно не лапшу. Можно что-нибудь другое. Пойдём внутрь, здесь слишком холодно.

Так холодно, что я не могу разобрать, действительно ли ты передо мной — или мне только кажется.

Тем же днём, когда все наконец проснулись, они вместе отправились в тот самый салон красоты, который Тан Хуай называл «семейным бизнесом друзей».

Сун Цинсюю от природы повезло с внешностью и кожей: она была лучше, чем у большинства. Косметологу, по сути, было нечего делать, и ему просто сделали лёгкий массаж лица для улучшения кровообращения.

Остальным процедур досталось побольше. Некоторые, судя по всему, были довольно экстремальными: из своего отдельного кабинета Сун Цинсюй отчётливо слышал вопли Вэнь Лихуа.

Выйдя, он заметил, что в соседнем кабинете косметолог убирает инструменты.

Если он не ошибался, это был кабинет Тан Хуая.

Сун Цинсюй легонько постучал в дверь:

— А где Тан Хуай?

— Он только что ушёл к стойке регистрации.

Тем лучше. Будь Тан Хуай здесь, этот вопрос он бы не смог задать.

— Вы не знаете, сколько стоили сегодняшние процедуры на пятерых?

Косметолог замялась. Сегодня утром ей лично звонил молодой господин Цзи — сын владельца — и строго-настрого наказал: никому не говорить, что всё оплачивается отдельно.

Сун Цинсюй понимал, что у людей на работе свои сложности. Он предложил компромисс:

— Давайте так: я буду называть цифры, а если угадаю — вы просто моргнёте два раза. Формально это не будет утечкой.

Косметолог неловко улыбнулась:

— Господин Сун...

Сун Цинсюй не особо разбирался в ценах в этой индустрии, но знал, что без пластической хирургии стоимость не должна быть заоблачной.

— Пятьдесят тысяч?

Косметолог не ожидала, что он угадает с первого раза, и быстро моргнула два раза.

— Спасибо, извините за беспокойство. Если кто-то спросит — вы ничего не знаете.

Выйдя, Сун Цинсюй достал телефон и перевёл Тан Хуаю шестьдесят тысяч. Лишние десять — чтобы это больше походило на его собственную прикидку, а заодно чтобы не подставлять косметолога.

Перевёл — и почувствовал, как с плеч упал груз.

Да, все хотели хорошо выглядеть на фотосессии. Но чтобы выглядеть обязательно лучше, чем в прошлом году, — а если точнее, обязательно лучше, чем Чжоу Цзин, — это было исключительно его, Сун Цинсюя, личное желание.

Ребята и так согласились — этого было достаточно. Заставлять Тан Хуая ещё и платить за это — перебор.

В это время Тан Хуай стоял у входа в салон и разговаривал с мамой по телефону.

Она по-прежнему была категорически против его академического отпуска и звонила с одной целью — потребовать, чтобы он поскорее вернулся к учёбе.

Едва ему удалось её успокоить и повесить трубку, как на экране всплыло уведомление о переводе от Сун Цинсюя.

Сердце ухнуло вниз. Он понял: Сун Цинсюй раскусил его маленькую хитрость. И значит ли это, что он хочет провести между ними чёткую линию?

Тан Хуай не мог описать то, что чувствовал. Только горечь — будто кто-то затолкал ему в рот целую корку апельсина. Кисло и вяжуще.

Он хотел помочь Сун Цинсюю. Хотел, чтобы ему было хорошо. Это шло изнутри, просто потому что он так чувствовал. Даже без той истории четырёхлетней давности он бы делал то же самое. И до того, как всё случилось, он поступал точно так же.

Он не требовал от Сун Цинсюя ни уступок, ни жертв. Просто не мог спокойно смотреть, как тот из-за чего-то мучается.

Погода стояла ясная, но Тан Хуаю вдруг стало холодно до костей.

Он сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем унять дрожь в руках, и принял перевод.

Тан Хуай: Там не столько. Верну часть.

Сун Цинсюй: Не надо. Там и за ту поездку в больницу.

Тан Хуай: ...

Тан Хуай: Ладно.

Если провести черту — это то, чего хочет Сун Цинсюй, значит, он должен ему в этом помочь. А не становиться камнем, о который тот будет спотыкаться.

Ему просто нужно немного времени.

<http://bllate.org/book/18105/1736383>